

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2023, Том 14, № 1 / 2023, Vol. 14, Iss. 1 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2023.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/07KLSK123.pdf>

Дата публикации: 13.03.2023

Ссылка для цитирования этой статьи:

Шляков, А. В. Детство. Хроноонтические аспекты / А. В. Шляков // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023. — Т. 14. — № 1. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/07KLSK123.pdf>

For citation:

Shlyakov A.V. Childhood. Chronoontic aspects. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2023; 14(1): 07KLSK123. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/07KLSK123.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

Шляков Алексей Владимирович

ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», Тюмень, Россия

Профессор кафедры «Гуманитарных наук и технологий»

Доктор философских наук, доцент

E-mail: schafferhund@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4294-2704>

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=680196

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=57200215406>

Детство. Хроноонтические аспекты

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей проживания и прочтения времени ребенком, которые формируют поле его бытийствования. Ребенок выступает серией промежуточных стадий становления завершенного, «взрослого» человека. При этом по отношению к себе каждая такая стадия самодостаточна. В статье выявлено, что хронопереживания ребенка соответствуют теологической стадии освоения действительности, выделенной О. Контом, для которой характерно переживание времени, как вечности, цикла. Исследованы процессы «оскучения» детства, связанные со сбросом событийности. Большую часть совместного времяпровождения ребенок и взрослый осуществляют «обмен скуками»: скука ребенка, заполняющего пустоту событийного ряда, и скука взрослого, возникающая из-за невозможности достичь детской интенсивности проживания. Установлены важные для процесса становления ребенка ритмы скоростей, к которым относятся задержки, пустоты, необходимые для формирования символического в культуре индивидуального бытия человека. Выделены характерные для детства экзистенциалы: тяга к повторениям, комплекс вины и жалости. Дан анализ современной культуре постмодерна и характерной для нее инфантилизации (по словам А.К. Секацкого «мягкой формы аутизма»), которая обусловлена завершением овеществления человека, что привело к страху перед живыми, и влечению к сборкам с высокотехнологичными гаджетами, прикосновение к которым приятно, и вызывает чувство безопасности. «Впадение в детство» становится способом психологической защиты от непредсказуемого, враждебного мира. Для взрослого человека способом сопротивления этой враждебности становится лицемерие, но возникающая из современных детей новая генерация субъектов не способна разобраться в рассогласовании дел, слов и мыслей и ищет укрытия, в самих себе.

Ключевые слова: детство; ребенок; время; темпоральность; бытие; аутизм; культура

Преодоление демографической ямы и нарастающий «бэби-бум» привели к тому, что сегодня можно говорить о наступающей педократии (др.-греч. παις — ребёнок и κράτος — власть), власти детей. Законодателями стиля в одежде, в речевой практике, в музыкальных пристрастиях становятся дети. Все чаще на улицах городов можно встретить взрослых людей в «весёленьких» ярко-красочных носочках или майках. Именно эстетикой детства руководствуются современные гламурные журналы, разрабатывая новые тренды [1, с. 228]. В попытке сохранить молодость возрастные дамы и одеваются, и ведут себя как подростки, что выглядит достаточно комично.

Как писал С.Н. Булгаков, господство детей — это уродливое явление, при котором мнение молодежи становится императивным для взрослых, что губительно для общества, ибо подростки, не имеющие ни знаний, ни опыта вряд ли способны к адекватному решению серьезных социально-политических задач [2]. Рассматривать феномен детства достаточно сложно из-за приевшейся очевидности, из-за «психолого-педагогического подхода», который добился массового оскучения предмета исследования. Мы попытаемся рассмотреть метафизику детства в хроноонтическом поле.

В начале хотелось бы проблематизировать детство в темпоральном аспекте. Кто такой ребенок? Это тот, кто еще только должен стать человеком или уже человек? Пока еще не человек или самодостаточная биологическая и социальная единица? Его бытие является потенциальным или уже актуализировано? По аналогии, с жизненным циклом бабочки: стоит ли рассматривать гусеницу как акт самостоятельного бытия или как этап становления, включенный в общую темпоральность бабочки? Ребенок выступает серией промежуточных стадий становления завершеного, «взрослого» человека. При этом по отношению к себе каждая такая стадия самодостаточна. По отношению к детству мы допускаем определенный антропоморфизм: ребенку приписываются «взрослые» переживания, которые находятся в недоразвитом состоянии. Осуществляя ретроспективный экскурс в собственное детство, человек вспоминает некоторые фрагменты, существенно отличающиеся от целостной картины. Время взрослых, в котором пребывает ребенок, тянется невыносимо медленно. Понятия «завтра», «через неделю», «через год» и «никогда» переживаются в равнозначной длительности [3]. Мир, в котором находится ребенок, состоит из набора отложенных радостей, удовольствий, внимания. Ребенок не владеет своим временем, а поэтому ему тяжело терпеть длительность «бессобытийности». И если отбросить фальсифицированные воспоминания «о счастливом, радостном, безмятежном детстве», предлагаемые модернистским дискурсом, то придется признать, что большую часть детства нас одолевала скука. Когда же рядом с ребенком возникает фигура взрослого, с которым можно поиграть, происходит «обмен скуками»: скука ребенка, заполняющего пустоту событийного ряда, и скука взрослого, возникающая из-за невозможности достичь детской интенсивности проживания. Взрослому скучны детские игры, ребенку скучны взрослые заботы. Конечно, существуют выходы из этого переживания, такие как умение читать, общение со сверстниками, компьютерные игры.

Такое хронопереживание коррелирует с оседлой темпоральностью. Формирование оседлого времени происходило на основании крестьянского повседневного быта. Мышление исходило из понятий сева и урожая и приводило к переживаниям ожидания и наступления, а пространство становилось местом долгого пребывания для ожидания благоприятных (или же неблагоприятных) повторений. М. Хайдеггер, описывая эти промежутки времени, производил онтологическую аналитику скуки: «Удлинение временного промежутка обнаруживает время пребывания Dasein в его совершенно неопределимой неопределенности. В этом удлинении происходит исчезновение краткости временного промежутка» [4, с. 229]. Сокращение временного промежутка напрямую связано с вовлечением в делание. Это делание обусловлено и природными циклами (необходимость сева или сбора урожая, которые в детском бытии сопряжены с уходом-возвращением родителей, приносящих с собой необходимость включения

в событийность) и могут быть инициированы внутренними импульсами. Детское время подобно аграрному циклу становится дуальным: хроническим ожиданием между кайротическими празднованиями. Этот Dasein создает чувство «виноватого терпения», при котором все индивиды становятся существами ждущими. Так возникает сценарий отложенной жизни, в котором здесь-и-сейчас-жизнь позволяет себя использовать более онтологически мощному чем она сама.

Согласно закону «трех стадий», разработанному О. Контом, для детства характерно теологическое освоение мира, причем как на уровне онтогенетическом, так и на филогенетическом. Для субъекта характерен синкретизм восприятия и очеловечение времени: месяцы отождествляются с праздниками, время суток с уходом родителей на работу или возвращением с нее. Поэтому хронопереживания ребенка могут быть описаны через время-вечность, характерное для мифологической картины мира [5]. К.И. Чуковский, исследуя детское восприятие смерти, отмечает, что его характеризует полное неприятие необратимости смерти: «Вася Катанян четырех лет говорит: «Сначала мы будем старенькими, а потом опять молоденькими». Трехлетняя Нина после похорон бабушки не печалится, но говорит: «Бабушка полежит в ямке и выздоровеет». Дети почти насильно возвращают необходимую себе жизнь. И если ребенок все-таки убеждается в неотвратимости смерти, то торопится уверить себя, что он бессмертен: «Все умрут, а я останусь» [6, с. 488].

В темпоральности детства необходимо выделить одну особенность. Это тяга к повторениям и неприятие новизны извне. Как отмечал З. Фрейд, дети не любят слушать новые истории, не принимают новых сказок [7]. Ребенок требует бесконечного повторения уже известного, доводя взрослых до бешенства. В своем требовании наступления известного события, однажды доставившего удовольствие, ребенок богоподобен. Единжды увидев, что созданный Свет — это хорошо, Бог не устает возобновлять рассветы, позволяя и людям насладиться этим явлением. «Повторения в природе — это не рутина, это — вызов на «бис», пишет Г. Честертон [8]. Солнце не устает вставать ежедневно, а человек ленится, ему тяжело потому, что обычность и рутина всегда основаны на избытке, которого у взрослых уже нет. Ребенок же хранит неисчерпаемый запас грядущей вечности.

Важная метафора в понимании детства — это становление, процессуальность, в котором особым элементом выступает акт самотворения. Ребенок не принимает нового, но сам несет новизну, которая не существует, предана забвению или табуирована. Сталкиваясь с «нельзя» и возражая «почему?» ребенок проверяет общепринятые нормы на прочность, нужность, истинность и через это способствует обновлению культуры [9]. Творчество представляет собой диалектическое единство и борьбу нового, идущего от ребенка, и значимого, носителем которого должна являться старость. В своей жажде новизны ребенок проявляет дионисийское начало. И в этом содержится опасность для прежних поколений. Появление ребенка ставит под вопрос бытие уже существующих индивидов с их авторитетом, то есть происходит отрицание значимости (аполлонического начала).

Одним из первых экзистенциальных измерений детства К.С. Пригов полагает «комплекс вины и переживание жалости» [10, с. 48], причем жалость как элемент архетипической структуры Добра В.С. Соловьева — «жалость, благоговение, стыд» [11]. Другое экзистенциальное измерение — это экзотика детства, дитя — это радикально Другой, одновременно открывающий подлинное свое, раскрывая путь к Абсолюту. Ребенок не человек, ему еще им предстоит стать, но и нам завещается: «будьте, как дети». Оставив позади, пережив детство, оно нам явлено как горизонт становления подлинного бытия.

Тема детства представляет собой «чистый лист», несмотря на очевидную значимость в нашей жизни, так как анализ детства сталкивается с незаконным обращением к фундаментальным первоэтическим положениям [12]. Но философия потому и философия, что

должна беспристрастно рассматривать любой вопрос, не боясь обидеть, оскорбить кого-либо. Поэтому при анализе детства необходимо избавиться от априорной любви.

Требуемое обществом обязательное детолюбие, по сути, амбивалентно. Любовь к ребенку порой соседствует с обратным чувством (это соседствует со встречаемыми вербализуемыми чувствами ребенка, (у М. Шолохова в «Нахалёнке»: «Вот погоди, дедушка, состаришься ты, выпадут у тебя зубки — я тебе жевать не буду»).

Важной фигурой для рефлексии детства в европейской философии стал Ж.Ж. Руссо, который впервые отделил детей от взрослых [13]. До него ребенок не существовал самостоятельно, воспринимаясь как «маленький взрослый», его одевали по-взрослому, требовали взрослого поведения. Сегодня в культуре постмодерна мы можем наблюдать обратное явление: взрослый одевается как ребенок, ведет себя как ребенок, наблюдается инфантилизация общества.

Для культуры важным является задержка, замедление необратимого превращения ребенка из процесса множественного выбора в состояние с предзаданной линейной траекторией скольжения. Как пишет А.К. Секацкий, «Чем дольше ребенок хранит потенциальную неопределенность стать или не стать кем-то, тем больше выигрывает общество, так как сохраняет дефицитный продукт творения — пустоту» [1, с. 58]. Пустота позволяет выдержать детство, уменьшая инстинкты и накапливая неопределенности. Чем дольше длится детство, тем больше шансов у культуры отъединиться от природы и породить власть символического. Совершенно странным и неоправданным является желание родителей воспитать вундеркинда, человека, лишённого детства, человека, который должен темпоральность, предназначенную для всей жизни, реализовать за короткий период. Как правило, у таких детей трагическая, несчастливая взрослая жизнь, до которой многие не доживают [14]. Сохранение пустотности — это сохранение навыков ученичества, которое признается ценным качеством человека (независимо от возраста). Однако это установка может обернуться инфантилизацией мира, что наглядно проявляется при столкновении парадигм: армия модерна представлена двадцатилетними детьми, которые не знают жизнь и не верят в смерть, а сопротивление премодерна (традиции) маленькими взрослыми.

«Впадение в детство» становится способом психологической защиты от непредсказуемого, враждебного мира. Зачастую в особенности реакций и умозаключений людей можно опознать черты аутизма, речь идет не столько о клиническом случае (хотя число детей с таким диагнозом неуклонно растет) [15], а о доминирующей симптоматике биосоциального тела [16]. Аутизм стал символом конца XX в. А.К. Секацкий такое распространенное явление, как политкорректность, относит к мягким формам аутизма [17, с. 72].

Если XX век проходил в начале под властью психоанализа З. Фрейда и К.Г. Юнга, который исследовал подавленное либидо как причину неврозов, середина века была посвящена шизоанализу, ориентированному на распад идентичности, то XXI век переживает состояние обреченной заброшенности в мир, при котором аутизм становится установкой сравнительной комфортности пребывания среди умных, высокотехнологичных вещей, при котором утрачиваются навыки общения с реальным субъектом. Страх перед отчуждением, при столкновении с машинами, который нагнетался марксизмом, оказался не так уж страшен по сравнению со страхом перед реальными людьми. Вещи эстетически прекрасны, их прикосновение приятно, они безопасны. При контакте с субъектом возникает необходимость понимать и учитывать его интересы. Это вызывает дискомфорт, неприятные переживания, что приводит к изменениям в структуре психики. Возникает аутизм как неспособность к притворству. Как писал швейцарский философ Ж. Пиаже, «Есть множество способов воздержаться от лжи, но неспособность солгать не лучшая из них» [18, с. 102]. Искренность и

непосредственность человека являются безусловной ценностью, но если в их основе находится неспособность к притворству, неумение встать на место другого, неумение справиться с различными социальными ролями, то это вызывает тревогу. В любой момент может произойти перекрытие доступа к себе, самоизоляция, и тогда единственным объектом взаимодействия с таким субъектом оказываются персонажи компьютерных игр, мультфильмов, гаджеты. Люди становятся носителями ужаса, беспокойства и хаоса, происходит утрата навыка общения с живыми. Живой субъект имеет «двойное дно», скрытые мысли, слова не совпадают с делами, мыслями, эмоциями. Взрослые к этому привыкли, но возникающая из современных детей новая, аутистическая генерация субъектов не способна с этим разобраться и ищет укрытия хотя бы в самом себе. И это погружение в себя может стать необратимым.

Общество потребления сегодня позволяет выстроить собственное бытие, исключая контакт с живыми людьми. Техника модерна требовала от человека определенных навыков, частичного мастерства и приспособления, требующих коммуникаций, современная техника постмодерна открывает доступ к себе любому, даже ребенку, предлагая полное погружение в новый стерильный мир. Таким образом, высокие технологии создают минимальные, но благоприятные условия для существования аутизма, позволяя увеличиваться количеству носителей как в клинической, так и в экзистенциальной оптике. К. Маркс и его последователи В. Беньямин [19], Л. Альтюссер [20] обрушивались с беспощадной критикой на индустриальное капиталистическое общество именно за отчуждение человека и его овеществление. Сегодня овеществление человека перестало быть пугающим, нежелательным фактором. Система тотального производства от каждого требовала быть вещью. И если «бытие вещью» не только естественно, но и выгодно, то человек примиряется с этим положением. Гаджеты позволяют существовать без общения с опасным живым субъектом, подразумевающего просьбы, убеждения, вопрошание, формулировки. От эпохи цинического разума, как определил постсовременность немецкий философ П. Слоттердаик [21], мы переходим к состоянию упрощенной наивности, обретаем утраченную детскость. В ней переживание конфликтов, размолвок с живыми субъектами переживается не просто трагически, а катастрофически, рискуя навсегда закрыть каналы связи с внешним живым миром и породить «желающую машину», вступающую в ризомные сборки с неподвижными высокотехнологичными протезами «Других».

ЛИТЕРАТУРА

1. Секацкий, А.К. Изыскания / А.К. Секацкий. — Санкт-Петербург: Лимбус-Пресс, 2009. — 400 с. — Текст: непосредственный.
2. Булгаков, С.Н. Героизм и подвижничество / С.Н. Булгаков. — Москва: Русская книга, 1992. — 528 с. — Текст: непосредственный.
3. Рихтерман, Т.Д. Формирование представлений о времени у детей дошкольного возраста / Т.Д. Рихтерман. — Москва: Просвещение, 1991. — 48 с. — Текст: непосредственный.
4. Heidegger Martin. Die Grundbegriffe der Metaphysik. Welt — Endlichkeit — Einsamkeit [Основные понятия метафизики. Мир — конечность — одиночество] / М. Heidegger. — Frankfurt. 1992. S. 229.
5. Конт, О. Дух позитивной философии: слово о положительном мышлении / О. Конт. — Москва: URSS, 2016. — 80 с. — Текст: непосредственный.
6. Чуковский, К.И. Собрание соч.: [в 6 томах] / К.И. Чуковский. — Москва: Художественная литература, 1965. — 2 т. — 735 с. — Текст: непосредственный.

7. Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствий / З. Фрейд. — Харьков: Фолио, 2009. — 286 с. — Текст: непосредственный.
8. Честертон, Г.К. Вечный человек / Г.К. Честертон. — Москва: РИПОЛ классик, 2006. — 416 с. — Текст: непосредственный.
9. Bar-Shalom, E. Tense and Aspect in Early Child Russian [Время и аспект в раннем детском русском языке] / E. Bar-Shalom. // Language Acquisition. [Запрос языка] 2002. — № 10. — p. 321–337.
10. Пигров, К.С. Бытие и возраст / К.С. Пигров, А.К. Секацкий. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. — 250 с. — Текст: непосредственный.
11. Соловьев, В.С. Оправдание добра / В.С. Соловьев. — Москва: Академический проект, 2010. — 671 с. — Текст: непосредственный.
12. Ames, L.B. The Development of the Sense of Time in the Young Child [Развитие чувства времени у маленького ребенка] / L.B. Ames. // The Pedagogical Seminary and Journal of Genetic Psychology. [Педагогическая семинария и журнал генетической психологии], 1946 — Vol. 68 — Iss. 1. — P. 97–125.
13. Руссо, Ж.Ж. Педагогические сочинения в 2 томах / Ж.Ж. Руссо. — Москва: Педагогика, 1981. — 986 с. — Текст: непосредственный.
14. Кузьмин, В.В. Возрастные особенности восприятия и понимания времени / В.В. Кузьмин. — Текст: непосредственный // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2014. Т. 1. — № 4(126). — С. 136–140.
15. Baron-Cohen, S. Understanding other minds: perspectives from autism [Понимание другого разума: взгляды с точки зрения аутизма] / S. Baron-Cohen., H. Tager-Flusberg, D. Cohen / Oxf. 1994, 515 p. Текст: непосредственный.
16. Baron-Cohen, S. Understanding other minds. Perspectives from Developmental Social Neuroscience [Понимание других умов. Перспективы развития социальной нейронауки] / S. Baron-Cohen. Oxford University Press, USA. 520 p. — Текст: непосредственный.
17. Секацкий, А.К. Эстетика в эпоху анестезии / А.К. Секацкий. — Текст: непосредственный // Глобализация в социально-философском измерении. / Сборник материалов конференции Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. — С. 65–81.
18. Piaget, J. El nacimiento de la inteligencia en el niño. Crítica. [Рождение интеллекта у ребенка. Критика] / J. Piaget. / Barcelona. 1936, 201 p. Текст: непосредственный.
19. Benjamin, W. Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit. Die drei deutschen Fassungen in einem Band. Vollständige Neuauflage [Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Три немецкие версии в одном томе. Полное новое издание] / W. Benjamin. / Hofenberg. Berlin. 2015. 110 s.
20. Альтюссер, Л. За Маркса. — Москва: Праксис, 2006, — 392 с. — Текст: непосредственный.
21. Слоттердаик, П. Критика цинического разума / П. Слоттердаик. — Москва: У-Фактория, 2009. — 800 с. — Текст: непосредственный.

Shlyakov Aleksey Vladimirovich

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

E-mail: schafferhund@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4294-2704>

RSCI: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=680196

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=57200215406>

Childhood. Chronoontic aspects

Abstract. The article is devoted to the study of the features of living and reading time by a child, which form the field of his being. The child acts as a series of intermediate stages of becoming a complete, "adult" person. At the same time, each such stage is self-sufficient in relation to itself. The article reveals that the child's Chrono-experiences correspond to the theological stage of mastering reality, highlighted by O. Comte, which is characterized by the experience of time as an eternity, a cycle. The processes of "desecration" of childhood associated with the reset of eventfulness are studied. Most of the time spent together, a child and an adult "exchange boredom": the boredom of a child filling the void of an event series, and the boredom of an adult arising from the inability to achieve a child's intensity of living. The rhythms of speeds that are important for the child's development process are established, which include delays and voids that are necessary for the formation of a symbolic individual being in the culture of a person. The author highlights the existentials characteristic of childhood: a craving for repetition, a complex of guilt and pity, analyzes the modern postmodern culture and its characteristic infantilization (according to A.K. Sekatsky "a mild form of autism"), which is caused by the completion of human reification, which led to fear of the living, and the attraction to assemblies with high-tech gadgets, the touch of which is pleasant, and causes a sense of security. "Falling into childhood" becomes a way of psychological protection from an unpredictable, hostile world. For an adult, hypocrisy becomes a way to resist this hostility, but the new generation of subjects emerging from modern children is not able to understand the mismatch of deeds, words and thoughts and seeks shelter in themselves.

Keywords: childhood; child; time; temporality; being; autism; culture